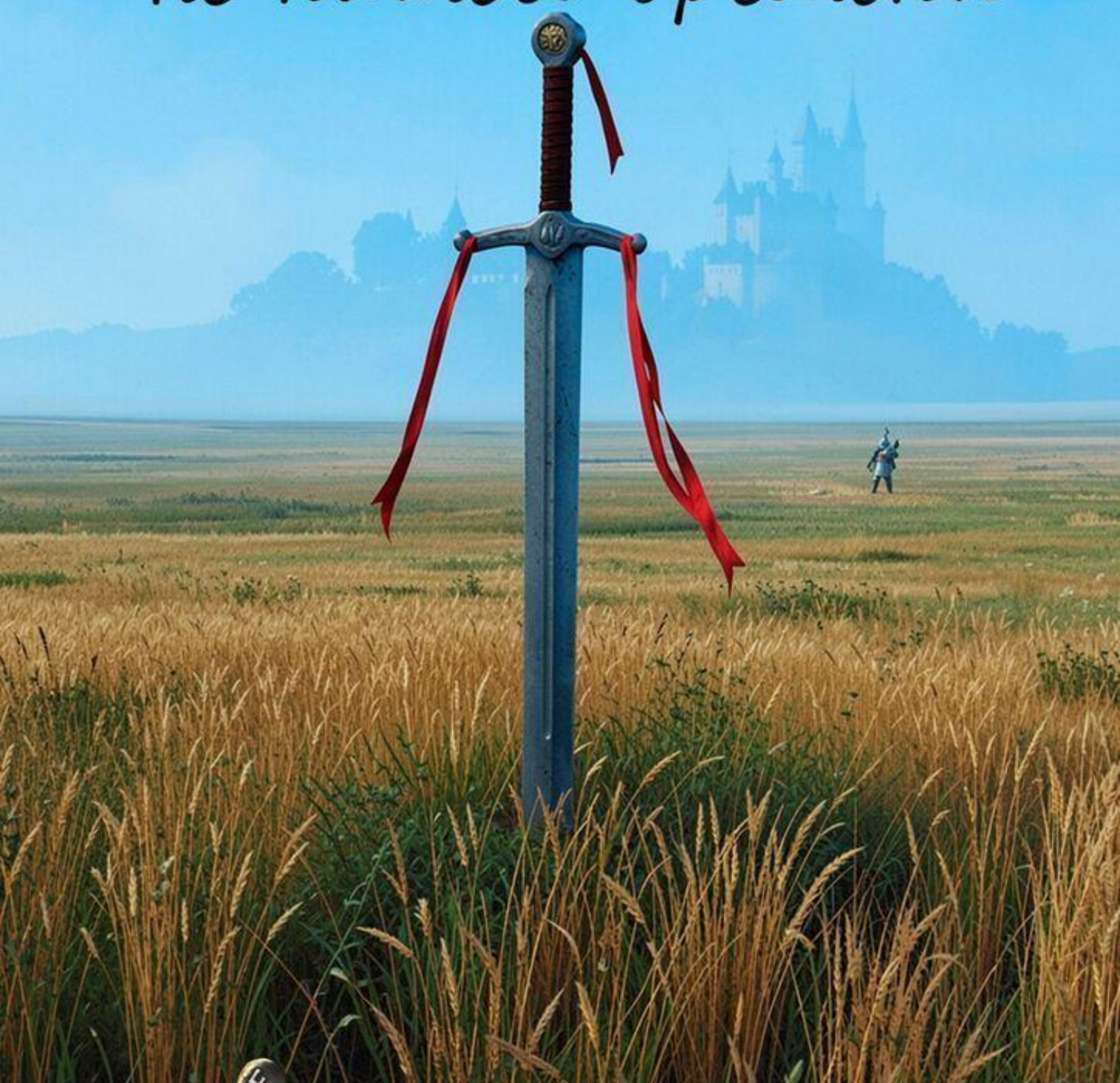

18+

Руслан Новиков

Герой не нашего времени

Руслан Новиков

Герой не нашего времени

«Издательские решения»

Новиков Р. Ю.

Герой не нашего времени / Р. Ю. Новиков — «Издательские решения»,

В 2157 году стерлись все границы, люди свободно путешествуют в любую точку мира, вот только везде их ждет одно и то же. Те же города, те же блюда, даже те же люди. Однако компания Фьючеринг предлагает попробовать нечто доселе неизведанное, а именно «вкус прошлого». Путешествие в любую точку таймлайна, наслаждение давно забытыми натуральными продуктами и настоящая жизнь. Главное — слушаться гида...

© Новиков Р. Ю.

© Издательские решения

Содержание

Герой не нашего времени	6
Глава 1. Дивный новый старый мир	7
Глава 2. Как один мужик...	12
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Герой не нашего времени

Руслан Юрьевич Новиков

Редактор Татьяна Сергеевна Чихалова

Редактор Наталья Николаевна Харитонова

© Руслан Юрьевич Новиков, 2026

ISBN 978-5-0070-6810-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Герой не нашего времени

Я пишу эти строки в неуверенности, что завтрашний день я переживу. Но хочу, чтобы люди знали мою историю. Меня зовут Руперт Канг, и я временной турист.

Глава 1. Дивный новый старый мир

Я родился в 2132 году, в мире, который успел стать совершенным и... безликим. За двадцать пять лет я объездил полпланеты, но так и не нашел ничего нового. Глобализация, начавшаяся задолго до моего рождения, завершила свою работу: от Лиссабона до Токио простирался один и тот же город-близнец. Мы говорили на одном языке, ели одну и ту же синтезированную пищу, а на стерильных улицах нас повсюду преследовал слоган корпорации «Фьючеринг»: «Попробуй на вкус прошлое». Они продавали единственный товар, которого нам действительно не хватало, — утраченное разнообразие.

В 2145 году корпорация «Фьючеринг» совершила прорыв, разработав технологию темпоральных перемещений. Горизонт событий оказался непреодолимым барьером, навсегда закрыв от нас будущее. Однако прошлое стало доступным для изучения, а вскоре — и для коммерческого использования. Так была основана индустрия «временного туризма».

Заплатив определенную сумму, любой мог перенестись в выбранную эпоху, чтобы буквально прикоснуться к истории. Разумеется, такое путешествие требовало гида. Не просто экскурсовода, а телохранителя от времени — человека, который не дал бы вам нарушить хронологию, сболтнуть лишнего при дворе Людовика XIV или закончить жизнь на виселице или же гильотине. Тут как повезет, если можно так выразиться.

Гидами брали лишь лучших из лучших: дипломированных историков, прошедших школу выживания и психологический отбор. Лишь после череды тестов их допускали к хронопорталам, отправляя в те эпохи, где они знали каждый кирпич и каждый обычай.

Ажиотаж был немислимый. Уже в первую неделю у офисов «Фьючеринг» выстраивались километровые очереди. Люди буквально жили в палатках, лишь бы первыми испытать главное приключение века.

Но, несмотря на все предпринятые меры, казусы все же случались. Человеческая натура необъяснима. Когда нам говорят: «Нельзя совать пальцы в розетку», рука сама тянется к запретному плоду. В первые месяцы статистика была безжалостна: на семь довольных туристов приходилось трое мертвых.

Одни, уповая на силу духа, ломали копья на рыцарских турнирах. Другие хвастались знаниями из будущего или демонстрировали гаджеты, за что быстро переквалифицировались в дрова для костра инквизиции. Третьи, движимые благими намерениями, отправлялись в Австрию с миссией «анти-Гитлер», правда ни одной успешной попытки так и не случилось.

Вскоре на компанию обрушился шквал исков от возмущенных родственников. Реакция была предсказуемой: полный мораторий. Все перемещения заморозили. Единственным напоминанием о былой роскоши стали «вкусовые сувениры» — продукты из прошлого, которые можно было купить за нескромную сумму. Но оно того стоило. Попробовать настоящий, выросший на земле фрукт в нашу эпоху звучало фантастичнее, чем сами путешествия.

Однако компания не собиралась отказываться от самого прибыльного проекта в истории. И к моменту моего двадцатипятилетия «Фьючеринг» с триумфом заявил о своем возвращении. Вишенкой на торте ребрендинга стало издание бестселлера «Правила путешественника во времени», разошедшееся тиражом в миллионы копий. И теперь, чтобы получить заветный билет, требовалось не просто прочитать, а вы зубрить и сдать экзамен по этому трактату.

Сотни страниц юридических казусов и исторических справок сводились к одному простому правилу: «Не будь идиотом».

Это кредо распадалось на несколько незыблемых заповедей:

— Ничего своего. Абсолютно ничего. Даже если очень хочется — нельзя. Твои кроссовки в Древнем Риме вызовут больше вопросов, чем твоё незнание латыни.

— Гид — твой царь и бог. Дыши, как он дышит. Говори, как он говорит. Он — твой живой щит между тобой и крестьянами с вилами и факелами.

— Думай, прежде чем открыть рот. Языковой барьер — это полбеды. Настоящая проблема — культурный шок, который может закончиться для тебя шоком физическим.

— Запомни: ты смертен. Захочешь поохотиться на кабана — готовься, что кабан начнет охоту на тебя. Решишь «скорректировать» историю — будь готов, что история ответит тебе тем же.

— Сделай домашнее задание. Хотя бы загляни в Википедию, прежде чем покупать тур в эпоху чумы. Пойми, куда ты едешь. Прояви уважение к прошлому, и есть шанс, что оно проявит уважение к тебе.

А в самом низу, под всем этим, микроскопическим, похожим на уловку юристов шрифтом, красовалась главная мысль:

«Компания не несет ответственности за события, вызванные туризмом и повлекшие смерть, травмы или временные парадоксы».

Преисполненный мечтами о чём-то настоящем, я взялся за любые подработки от продаж суперумных пылесосов до помощи со сборкой гравимашин, откладывая каждый лишний кредит на свою первую путёвку в вечность. Мною двигал пытливый ум и жажда увидеть то, что не удалось свести к общему знаменателю глобализации. Знал бы я, чем это обернётся — купил бы на эти деньги крошечный домик на Луне. Это было бы и безопаснее, и гораздо ближе к дому. Да и лунные щеночки, говорят, до ужаса милые.

Выбор эпохи стал для меня мучением. Вся тяжесть этих терзаний делил со мной лишь мой домовит — робот модели «Перси», чей искусственный интеллект был заточен под решение бытовых задач, а не исторических дилемм. Мы проводили многочасовые дискуссии, в ходе которых он, впрочем, упорно предлагал мне «просто хорошенько отдохнуть дома».

Изначально я грезил динозаврами, но, увы, «Фьючеринг» устанавливал временной лимит — 3000 лет до нашей эры. Так что круг сузился до трёх вариантов: пыльная античность, суровое Средневековье или загадочный Советский Союз.

Античность отпала первой. Древние языки были практически утеряны, и изучать греческий по ускоренной программе мне не хотелось. Советский Союз, конечно, манил, но риск «присесть» там на долгий срок за невинный, по нашим меркам, анекдот казался не самым рациональным дополнением к туру. Да и для дебюта хотелось чего-то более эпического, чем созерцание монументальных фасадов сталинского ампира.

А вот Средневековье... Оно манило образом рыцаря — того самого, из старинных романов. Статного, закованного в сияющую сталь, разбивающего копьём на турнире во имя Прекрасной Дамы. При одной этой мысли у меня загорались глаза. Это был мир, дышавший мифами и легендами, мир, нетронутый не только индустриализацией, но и самой тенью повальной глобализации.

Я погрузился в изучение эпохи: проглотил дюжину статей о рыцарском быте и до одури накручивал голограмму реконструированного турнира, пока латы не начинали мерещиться мне в зеркале. Моя решимость крепла с каждым днем. Да и знание английского языка вселяло уверенность — я ведь отлично им владел.

Итак, решение было принято.

Мой выбор — Англия, 1157 год. Ровно на тысячу лет назад.

Отстояв трехчасовую очередь у бронзовых врат «Фьючеринг», я, наконец, с пылающим от нетерпения взглядом предъявил на входе свой билет. Двери бесшумно раздвинулись.

Эффекта «Вау», на который я тайно рассчитывал, не случилось. Внутри корпорация оказалась стерильно-официальным зданием: бесконечный белый коридор с рядом безликих дверей по бокам. Напоминало то ли сверхсекретную лабораторию, то ли дорогой стоматологический кабинет.

Но, как известно, по обложке не судят. И за одной из этих дверей скрывался не кабинет бухгалтерии, а портал в прошлое. Сердце заколотилось в предвкушении. Вот оно — то самое мгновение, когда скучный, предсказуемый мир останется за спиной, и я шагну в новый, дышащий тайной и приключениями.

Меня встретила улыбчивая управляющая и проводила в камеру подготовки, предназначенную для путешествий в Средневековье. Как только дверь за нами закрылась, по стенам пробежали лучи сканеров, выискивая любые технологические артефакты. Пришлось сдать все девайсы, включая вживленный в палец чип для микроплатежей.

Затем меня проводили за ширму, где велели снять с себя всё, оставив в чем мать родила. Выдали грубоватую льняную сорочку и пару длинных, плотных чулок. На бирке, пришитой к одной из них, было аккуратно выведено: «Шоссы¹, Англия, XII век». Из верхней одежды дали тунику, сапоги и кафтан.

В зеркале я себя не узнал. Будто бы уже попал в прошлое. Мне нужны латы, шлем и конь и тогда я сойду за настоящего рыцаря! Но доспехи не выдали... Сказали, что тут как в стриптиз-клубе, можно только смотреть, но самому трогать участвовать запрещено.

И всё же я был счастлив. Честно говоря, уже на этом этапе казалось, что все мои вложения окупились сполна. Администратор с неизменной улыбкой вручила мне холщовый заплечный мешок и портрет, искусно выполненный на состаренной бумаге.

— Это ваш гид, — произнесла она, и её улыбка, казалось, была высечена на лице раз и навсегда. Настолько, что я начал сомневаться, не носит ли она специальный профессиональный грим. — Он встретит вас и проведёт полноценную недельную экскурсию, а после отправит обратно с помощью своего устройства.

— А что, собственно, за устройство? — Перебил я ее. Было жутко интересно узнать.

— Какая-нибудь безделушка. Обычно что-то драгоценное из золота или серебра. Но не переживайте. Воспользоваться ей могут лишь люди из нашего времени. Настройка по отпечатку пальцев еще ни разу не подводила.

Я в целом остался удовлетворен ответом, а она продолжила свой экскурс дальше.

— Вы в полной мере ощутите дух эпохи. В мешке, среди прочего, лежит грамота с гербом одной... скромной баронской фамилии. Их род давно угас, так что можете смело представляться их дальним родственником, если возникнут проблемы с местными властями. Это сэкономит вам время.

Тут, конечно, следовало спросить: «А какие, собственно, проблемы могут возникнуть?». Но я был настолько опьянен предвкушением, что пропустил её слова мимо ушей. Управляющая говорила ещё о многом — о технике безопасности, о точке возврата, о сигнале бедствия, — но всё это слилось в сплошной белый шум, заглушаемый гулким стуком моего сердца.

Наконец, сопровождающий жестом пригласил меня следовать за ним. Одна из стен комнаты бесшумно отъехала в сторону, открыв взору саму суть «Фьючеринг» — темпоральный портал. Различные оттенки синего плыли, подобно мыльным разводам, на водной глади прямоугольного каркаса.

Больше всего меня поразила тишина. Я почему-то ожидал грохота, гула энергии, звука из какой-нибудь старой космической оперы. А портал просто висел в воздухе — величественная, гипнотическая дверь в никуда, абсолютно безмолвная.

Я не успел даже пикнуть, как в меня всадили штук двадцать пистолетов-шприцов. Боли не было, только легкое покалывание, как от роя рассерженных пчёл. На мой удивленный и, должно быть, глупый взгляд, медсестра в стерильном халате бросила сухое:

¹ Шоссы — средневековый тип штанов-чулок, которые состояли из двух отдельных штанин, прикреплявшихся к поясу или нижней рубашке.

— Это прививки. От всего, что могло убить вас в XII веке, кроме человеческой глупости. От неё лекарства нет.

«Тогда приемлемо», — мелькнуло у меня в голове. Даже разозлиться не успел — адреналин уже гнал вперед.

Вдохнув поглубже, будто собирался шагнуть в место без кислорода, я сделал первый шаг. Яркое, можно сказать, больничное свечение стальной комнаты Фьючеринга бесследно пропало, сменяясь теплыми лучами солнца.

Земля под ногами оказалась не бетоном или синтетическим покрытием, а чем-то упругим, живым и невероятно сложным. Я стоял на ковре из мха, палой листвы и переплетенных корней. Запах ударил в нос первым — густой, влажный и настолько насыщенный, что им, казалось, можно было напиться как водой. Он состоял из тысячи ароматов: сладкой гнили преющих листьев, терпкой хвои, влажной земли и чего-то цветущего, но дикого.

Свет сюда пробивался с трудом. Лучи солнца были рассечены на тысячи светящихся нитей, которые теряли силу, пробиваясь сквозь непроглядный полог из дубов, ясеней и вязов. Воздух был наполнен зеленым полумраком, подвижным и дышащим. Каждый звук здесь был отдельным событием: громкий треск ветки где-то в чаще, пересвист невидимых птиц, гулкое жужжание насекомых и далекий, едва уловимый шум воды.

Это была не картинка из голограммы. Это была система, организм. Лианы и плющ обвивали стволы, борясь за свет. Стволы деревьев, толщиной в два обхвата, были покрыты грубой, потрескавшейся корой. Вместо гула машин и людского ропота был слышен лишь звук... Жизни...

В этой первозданной, почти гнетущей мощи, человек чувствовал себя не хозяином, а гостем. И очень, очень незваным. Ничего похожего не осталось в моем веке. Это был не парк, а сама природа — не прирученная, не выдворенная за пределы городов, а полновластная хозяйка.

От чистого воздуха закружилась голова, и я с тихим шорохом приземлился на зад. Сделай я так в XXII веке, точно отбил бы себе мягкое место, но здесь моё падение смягчила упругая, живая подушка из мха и прошлогодней листвы.

Мозг, перегруженный шквалом новых ощущений, не справлялся. Из горла сам собой вырвался сдавленный звук, который перешёл в истерический, счастливый смех. Наконец-то! Я не просто существую — я живу! Я ощутил то самое, настоящее, неизведанное и первобытно прекрасное!

«Так... А где гид?» — мысль мелькнула и тут же растворилась. «Наверное, опаздывает», — лениво предположил я и, откинувшись на локоть, с блаженным вздохом закрыл глаза. Впереди ведь целая неделя, можно позволить себе лишний час просто... быть здесь.

Я не могу сказать, сколько времени прошло — может, час, а может, и три. Но что-то изменилось. Света становилось меньше, а тени — длиннее и гуще, сплетаясь у корней деревьев. Воздух остыл на несколько градусов, и в нём теперь явственней пахло сыростью и ночной прохладой. В тишине, сменившей дневную симфонию, начали прорезаться новые звуки: отдалённый, скрипучий вой, шорох в кустах, уже не такой безобидный. Лес постепенно передавал эстафету своим ночным обитателям.

Становилось жутковато. Я покричал в разные стороны, сначала вежливо, потом всё громче и отчаяннее: «Эй! Алло! Здесь кто-нибудь есть?!» Мой голос глух в плотной листве, не встречая ни ответа, ни эха. Никто не вышел мне навстречу.

Чем гуще сгущались сумерки, тем сильнее сжимался в груди холодный комок страха. Инстинкты, дремавшие веками в комфорте цивилизации, проснулись и закричали, что я на чужой территории, беззащитный и один. В тщетной, почти панической попытке я облазил всё вокруг в радиусе нескольких десятков шагов, вороша папоротник и заглядывая за каждое дерево, в иррациональной надежде, что портал ещё открыт. Но нет.

Остаться на месте было нельзя. Тело само подсказывало это тугим спазмом в животе. Неважно куда, но нужно было двигаться. Не так давно я ощутил на себе голодный, пристальный взгляд из чащи — и желания стать чьим-то ужином сегодня у меня не было. Сломая голову, не разбирая пути, я полез сквозь густые кустарники и бурелом, царапая лицо ветками и спотыкаясь о корни. Единственной целью было — вырваться из этого проклятого леса.

И вдруг деревья начали редеть. Ещё несколько отчаянных шагов — и я вывалился на широкую, залитую лунным светом поляну. Дыхание перехватило от контраста. Под ногами шумела высокая, по колено, трава, а сквозь неё, как спасительный шов, змеилась протоптанная тропинка. Она вела от леса к тёмным силуэтам построек. Поселение. Их было не больше двух десятков — крошечных, приземистых, но это были дома. Признак людей. Шанс.

Цепляясь носками грубых сапог за каждую колдобину на тропинке, я, спотыкаясь и чуть не падая, с горем пополам добрался до ближайшего к лесу домика. В его единственном крошечном окошке не светилось ни искорки. Как, впрочем, и во всех остальных — поселение спало, утонув в беспросветной, деревенской тьме.

Делать было нечего. Я сглотнул ком страха в горле, засунул свою интровертность куда поглубже и, собрав остатки решимости, постучал в грубые доски двери.

Глава 2. Как один мужик...

Из-за тонкой древесины двери донёсся поток отборной, хриплой ругани. Я смог разобрать лишь корневую, матерную основу — диалект был для меня абсолютно чужим. Английский-то я знал в совершенстве, но то был идеально отшлифованный английский XXII века, а не этот грубый, живой и злой говорок.

Первое правило из трактата — «Не будь идиотом» — было нарушено мной в первый же день.

Из проёма, едва приоткрытого, на меня уставились два красных от сна и ярости глаза. За ним угадывался силуэт старика в ночной рубаше и смешном чепце. Из его хриплого потока я с грехом пополам уловил суть: «Какого дьявола ты тут ломишься среди ночи?»

Я поспешил урезонить. Придав лицу самое деловитое и важное выражение, я с достоинством вынул из мешка грамоту с фамильным гербом и поднёс её к щели. «Вот, сэр, мои бумаги», — попытался я сказать на своём чистейшем английском.

Старик прищурился, всматриваясь в пергамент. Минуту царила напряжённая тишина. Затем он фыркнул, будто увидел не герб, а похабную картинку, и с силой плюнул мне прямо в грудь, на дорогой кафтан от «Фьючеринг».

Я онемел. Так со мной не поступали. Никогда. Даже самые грубые роботы-сборщики мусора были вежливее. А тут — плевок. И это после того, как я, дворянин (хоть и липовый), почтительно показал документы какому-то деревенскому плебею!

И тут до меня дошло. Он не понял, кто я такой. Для этого нужно было уметь читать. Грамота с её закорючками и гербом для него была всего лишь куском кожи. Здесь статус определялся не печатью, а силой, уверенностью и громкостью голоса.

Мгновенно сообразив, что к чему, я перешёл в контратаку. Я наклонился к щели, в которую всё ещё смотрели его испуганные глаза, и обрушил на него весь свой гнев, страх и отчаяние. Я кричал, тыча пальцем в его нос (сквозь дверь), вставляя в свою идеальную речь те самые гортанные, хриплые ругательства, что только что от него услышал. Я катил на него такую бочку, будто он оскорбил не меня, а самого короля.

И — о чудо! — сработало. Его гневная уверенность сменилась суетливой паникой. Он что-то быстро забормotal, захлопнул дверь, а через мгновение за ней мелькнул огонёк зажжённой свечи. Когда дверь открылась вновь, передо мной стоял уже другой человек — сгорбленный, испуганный, сыплющий низкими поклонами и бессвязными извинениями. Я вдолбил ему, что я важная шишка. Грубо, глупо, но невероятно эффективно.

Хотя, признаюсь, внутри всё сжалось в плотный комок. Обманывать мне и раньше-то не доводилось, а уж так, с налёта, наезжать на беззащитного старика... Совесть грызла изнутри, словно термит сухое дерево. Между тем старик что-то лопотал на своем древнеанглийском. Понемногу я начал улавливать знакомые очертания звуков и перестраиваться на этот диалект (основа языка все же была одна).

— Извольте чего-нибудь, милорд? — проскрипел он, и казалось, еще немного — и он упадёт на колени, чтобы вылизать пыль с моих сапог.

Я попросил лишь воды. Через секунду в моих руках оказался грубо выдолбленный черпак с ледяной жидкостью. Я осушил его залпом, и тут же мой желудок, будто дождавшийся сигнала, громко и требовательно заурчал, одарив тесную хижину неприглядным звуком.

Урчание сработало точнее любой королевской команды. Старик засуетился, быстренько достал из грубо сколоченного ящика буханку чёрного хлеба, отряхивая с неё прилипшие травинки и солому, и небольшой, завёрнутый в грубую холстину свёрток, по которому уже проступали жирные пятна.

Едва я развернул свёрток, в нос ударил резкий, тошнотворно-кислый запах, не похожий ни на что из мне знакомого. Это было плотное, потрескавшееся месиво странного землистого цвета.

«Что... это?» — выдавил я из себя, с трудом сдерживая рвотный позыв. Старик, улыбаясь беззубым ртом, буркнул:

— Сыр, милорд.

Вот это месиво — сыр?! В моём представлении сыр был стерильным, ровным брикетом с лёгким, нейтральным ароматом. А это... пахло, как самый грязный угол самой заброшенной свалки, умноженный на десять.

Но голод оказался сильнее брезгливости. Я отломил кусок, зажмурился и сунул его в рот. На вкус это было продолжением запаха: кислота и прогорклость. Но я проглотил. Одна потребность была утолена. Я кивнул старику в благодарность, а затем, стараясь говорить как можно чётче, спросил: не заходил ли в деревню человек в таких же одеждах, как у меня?

Старик нахмурился, обмерив меня долгим, изучающим взглядом. Затем лицо его снова обрело прежнее простое выражение, и он покачал головой.

— Господ таких не видали.

Гид не появлялся. А значит, его или вовсе не было. Или его уже не было. Одна мысль была мрачнее другой.

— Слушай... — я вздохнул, понимая, что другого выхода нет. — Приюти меня на время. Я заплачу. — Я сунул руку в мешок, где лежали монеты, выданные компанией «на мелкие расходы», и наугад достал пригоршню.

Идти в незнакомый крупный город в одиночку — верный способ потеряться, попасть в долговую яму или навлечь на себя куда худшую беду. А раз эта деревня — ближайшая к точке прибытия, то здесь меня с наибольшей вероятностью и будут искать. Если, конечно, ищут.

Вот так я и переступил через остатки гордости, навязываясь на постой к этому мужику.

Тот покрутил в пальцах монеты, замер, а затем резко поднёс каждую ко рту и надкусил кривым, почерневшим зубом. Выражение его лица тотчас сменилось — глаза округлились, а в уголках рта заплясали морщинки счастливой улыбки.

Как выяснилось позже, я вручил ему целых пятнадцать серебряных пенни. Сумму, которую такой крестьянин, как он, мог скопить, только если бы целый год не тратил вообще ни гроша. Естественно, после этого вопрос о моём проживании был решён мгновенно.

— Ну, будем знакомы, — сказал я, по старой, автоматической привычке протягивая ему руку для пожатия. Чуть переименовав своё имя, чтобы оно звучало органичнее (да и по бумагам я был Робертом Стаффордским), добавил: — Можешь звать меня Роберт.

Старик отпрянул, глядя на мою ладонь, как на западню, а затем снова засыпал меня низкими поклонами.

— О, сэра Роберт! Ваш покорный слуга — Уильям. Прикажете — и сделаю всё, что угодно!

Руку он так и не пожал. Видимо, здесь это было не принято. Или не принято с такими, как он, по отношению к таким, как я — щедрому дураку с серебром в кармане.

Несмотря на то, что первое знакомство у нас вышло, мягко говоря, не с самой лучшей ноты (и, честно говоря, сложно его винить — не знаю, как бы я отреагировал, если бы меня среди ночи поднял с постели незнакомый здоровяк в странных одеждах), дальше дело пошло, как по маслу.

Он, скрепя сердце и извиняясь, выделил мне свою постель — груды соломы, прикрытую холщовым мешком. Она была грязноватой и пропиталась насквозь запахом дыма, старого пота и сырой земли. Но в тот момент это уже не имело никакого значения. Единственное, чего я хотел до потери пульса, — это сомкнуть глаза и забыться.

Сам же Уильям, кланяясь, забормотал, что уйдёт спать в овчарню. Я хотел было возразить, сказать, что как-нибудь разместимся, но тут же сообразил: кровать одна. А любое моё настойчивое предложение лечь рядом могло быть истолковано... совсем иначе, со всеми вытекающими средневековыми последствиями.

Хоть сон и сковывал всё тело свинцовой тяжестью, в глубине сознания метался страх: а вдруг он вернётся с косою или ножиком и решит забрать все мои монеты? Пятнадцать пенни с богатого дурака уже достаточная прибыль, а тут у меня целый мешок с неизведанным добром, и никаких свидетелей ему не нужно.

В итоге я сдался. Я повернулся лицом к стене, сунул руку под голову и скомандовал себе: «Будь что будет!». Последним, что я почувствовал, было прикосновение грубого одеяла к моему плечу.

Утром меня разбудил оглушительный крик петуха. Казалось, птица забралась прямым ходом в черепную коробку и долбила клювом по мозгу. Первой реакцией была слепая, животная ярость на этого пернатого мудака, нарушившего мой глубокий сон.

А потом до сознания, медленно, как сквозь густой сироп, добралась простая мысль: я живой. Уильям не прикончил меня ночью. Ярость мгновенно сменилась таким облегчением, что я снова повалился на солому и глупо, во весь голос, рассмеялся.

На смех в хижину вбежал её хозяин. В резком свете утра он казался ещё древнее и более выветренным, чем ночью. Его лицо было испещрено глубокими морщинами, как высохшая глина после дождя. В складках кожи местами чернели втёртые следы земли и дыма. Шелушащиеся, узловатые руки, привыкшие к труду, держались в странной готовности — на одной не хватало половины мизинца, словно его отхватили одним чистым укусом.

— Позавтракаете, милорд? — проскрипел он, почтительно опуская глаза.

Память о вчерашнем сыре подбросила в горло волну тошноты. Но тут же в нос ударил другой, тёплый и уютный запах — подгорелого сала и яиц. Я слотнул, почувствовав, как слюна наполняет рот, и кивнул. Уильям растаял в дверном проёме так же стремительно, как и появился, будто его и не было.

Уильям оказался мужиком хорошим. Пока я спал, он, с истинно деревенской ловкостью, умудрился развести костёр на улице и приготовить еду, ни разу не потревожив мой сон. Через какое-то время он вытащил из глубины хижины помятую, почерневшую от копоти сковороду.

Сначала он с опаской смотрел на меня, явно ожидая приказа или выговора. Я махнул рукой, показав на свободное место напротив, и сказал:

— Садись, Уильям. Будем завтракать вместе.

Он долго отнекивался, бормоча что-то о своём месте, но в итоге с благоговейным видом опустился на вторую колоду, служившую табуретом. Мы сидели друг напротив друга на двух расколотых чурбаках и молча, с жадностью, уплетали горячую, жирную яичницу. Без специй, с крошечной щепоткой крупной серой соли — но это было лучшее гастрономическое открытие с момента моего прибытия в этот век.

После скромного пиршества я спросил у своего нового приятеля, где тут можно освежиться. Встретив лишь недоумённый взгляд, я уточнил, размахивая руками и пытаясь объяснить на языке жестов:

— Помыться, Уильям! Смыть с себя дорожную пыль. Не понимаешь?

Старик закивал, но в его глазах читалось явное сомнение — мыться в будний день, без повода? Тем не менее он повёл меня вниз по склону. За пригорком послышалось неторопливое, глубокое журчание, и мы вышли к широкой, неспешной речке.

Не раздумывая, я засунул руку в реку по локоть — и мгновенно дёрнул её обратно, с шипением втянув воздух. Нет, меня не цапнул скрытый в иле рак. Вода была такой холодной, что по ощущениям это было больше похоже на погружение в жидкий лёд.

«Ну да ладно, — подумал я. — Лучше отморожу причиндалы, чем буду вонять»

Никогда не был особо верующим, скорее даже наоборот. Но в тот момент, глядя на серебрящуюся рябь, я инстинктивно перекрестился — на всякий случай, чтобы задобрить местных духов воды, холода и всевозможные силы небесные.

Сделав три шага для разбега, я сиганул в речку. Вода ударила, как тысяча иголок, вышибив из лёгких весь воздух. Я тут же вынырнул и, задыхаясь и ругаясь на чистейшем английском XXII века, начал яростно тереть себя с головы до пят, пока кожа не загорелась багровым огнём. Всё мытьё заняло от силы минуту — рекорд по эффективности, поставленный чистым, животным страхом замерзнуть насмерть.

И вот я уже, мокрый до нитки, словно паршивая собака после ливня, сижу у догорающего костра и трясусь мелкой, неконтролируемой дрожью, пытаюсь вобрать в себя каждый джоуль тепла.

«Спасибо, что отправили меня в лето» — мысленно поблагодарил я создателей Фьючерс.

Ульям умотал пасти овец, и я был предоставлен сам себе. От нечего делать я начал изучать его жилище. Оно стояло на отшибе в приличном удалении от других домов, рядом с загонем для овец. Я видел, как начинают высыпать на улицы люди и решил не показываться пока, зайдя внутрь домика.

Выглядел он, мягко говоря, убого. Земляной пол, стены из корявых, неокоренных бревнышек, щели между которыми были намертво забиты непонятной мне субстанцией — смесью глины, мха и, судя по легкому флеру запаха, навоза. Крыша была состряпана из тонких, толщиной в палец, веток, образующих подобие решётки, сверху заваленных дёрном. Всё строение дышало сыростью и вековой усталостью.

В центре красовался очаг — небрежный круг из почерневших камней, прямо на земле. Стал понятен источник этого въевшегося в стены и уже немного в мою одежду запаха копоты. Под самым потолком, на жердочке, как мрачные трофеи, висели шкуры животных. Судя по всему, Уильям был не только овцепасом, но и ловким охотником: помимо овечьих, там были заячьи шкурки, пятнистая шкура оленя и даже одна — большая, серая и грубая — волчья.

В углу его однокомнатных апартаментов в беспорядке, но с каким-то своим порядком, лежали его орудия. Простенький, но крепко сбитый деревянный лук. Два ножа с короткими клинками — старые, рукояти истёрты до гладкости пальцами, но сами лезвия, как я убедился, были отточены до бритвенной остроты. (Я, дурак, повторил за героем из кино и попробовал провести по одному пальцем — через секунду уже был с пальцем во рту пытаюсь остановить кровь). Рядом лежал топорик с коротким топорщиком, явно для мелкой работы, и пустой, изношенный колчан.

Эх... Пострелять не удастся...

Изучать было больше нечего, и я, смирившись, принялся делать то же, что и любой подросток в моём времени при коллапсе всех сетей и отключении электричества — лёг на спину и уставился в потолок.

Скучно? Ещё бы. Но иных занятий у меня не оставалось. Мир сжался до размеров этой дымной хижины, а мои мысли — до монотонного наблюдения за игрой теней на чёрных от копоты балках.

Сколько времени прошло — не скажу. Могло быть полчаса, а могло все пять. Но он вернулся, мой дорогой Уильям! Господи, сколько лет я его ждал! Вечность!

Он, в свою очередь, был сильно обескуражен моему сияющему от улыбки до ушей лицу и, вероятно, тому факту, что я бросился ему навстречу. Ещё бы! Был бы у меня хвост, я бы им завил так, что сбил бы всю пыль со стен.

Мне было дико интересно узнать всё, что он делал. Я, словно навязчивый ребёнок или ревнивая жена, стал засыпать его вопросами, не давая и шагу ступить. Где он был, что делал, что чувствовал, какая из овец ему больше нравится и почему. А почему он вообще стал пастухом, а не, скажем, кузнецом или солдатом.

На бедного Уильяма обрушился такой поток бессвязной, праздной болтовни, что ему, видимо, пришлось напрячь всю свою недюжинную выдержку. Это было видно по его лицу: брови сдвинулись в одну грозную линию, а взгляд стал таким острым, что им можно было бы отскоблить ржавчину с его же ножа. Он явно изо всех сил старался не послать меня куда подальше — не из вежливости, а исключительно из страха перед серебряными пенни в своём сундуке.

Я же, выплеснув наружу давно копившуюся жажду социального взаимодействия, наконец разглядел его состояние — напряжённое, зажатое, как пружина. Но я не отступил. Я приостановился, давая ему секунду на передышку, и встретил его взгляд своим — спокойным, твёрдым, принявшим оттенок холодноватого ожидания. Без слов я дал ему понять: моё внезапное молчание — не конец допроса. Это пауза. И я всё ещё жду ответов. НА ВСЕ вопросы.

Уильям был не красноречив. Но, обречённо кряхтя, всё же начал выдавливать из себя слова, медленные и тяжёлые, как камни.

Так я узнал, что он каждое утро выгоняет овец и следит за ними до обеда, после возвращается к себе, готовит еду, ест и уходит обратно, пока овцы не расползлись по лесу.

— А чего сразу не берёшь еду с собой, чтобы не возвращаться? — перебил я его немногословный рассказ. — Можно же взять тот же сыр с хлебом и перекусить на месте.

Он посмотрел на меня так, будто я ему не вопрос задал, а открыл новую землю за океаном. Похоже, так делали его отец, и дед, и прадед, и он просто никогда не задумывался иначе. Заторможенное, ошарашенное выражение застыло на его лице на долгие секунды, пока медленно, как рассвет, его не сменила краска стыда. Он сообразил, как это должно выглядеть со стороны: столько лет бегать туда-сюда, как щенок за хвостом.

— Слушай, а возьми меня с собой! — не отставал я, чувствуя, как скука сменяется азартом. — По пути продолжим беседу.

Уильям был явно не в восторге от такого расклада. Я его понимал: он, должно быть, за долгие годы сроднился с тишиной и размеренным мысленным диалогом лишь с овцами. Но выбор у него был невелик, а точнее — его не было вовсе. Потому что, если я останусь в этой пропахшей дымом и тоской хижине ещё на несколько часов в одиночестве, то гарантированно либо сойду с ума, либо спалю её дотла от беспричинной злости.

Старик, вздохнув, захватил с собой хлеба и вонючего сыра, и мы побрели вверх по склону холма, параллельно лесу, всё дальше удаляясь от деревни. За пригорком открылась широкая, зелёная, как изумруд, поляна, на которой безмятежно паслись несколько десятков овец, белые комочки на фоне сочной травы. Их охраняла небольшая, лохматая дворняга, которая, завидев нас, радостно завиляла хвостом и побежала навстречу Уильяму.

По дороге мне удалось-таки раскатать старика на более-менее внятные ответы, благодаря чему мой скудный багаж знаний об этом обитателе Средневековья пополнялся. Любимых или нелюбимых овец у него не водилось — все были на одно лицо, и судьба у них была одна. А пастухом он стал, потому что его дед пастушил, отец пастушил — значит, и он будет. Логика железная. Спорить с ней было так же бессмысленно, как ожидать, что солнце взойдет на западе.

Мы пришли прямо в центр стада. Уильям, покряхтывая, уселся на камень и начал невозмутимо жевать свой паёк. Я, поспешно проглотив свою долю, окрылённый просторами, решил опробовать новую роль. До этого я этих созданий только на картинках видел.

— Дай-ка я присмотрю, — сказал я, принимая важный вид и шагая вперёд.

Овцы, мирно щипавшие траву, как по команде подняли головы. Одна, самая крупная и с глупым, налитым уверенностью взглядом, сделала шаг навстречу, а затем ещё один. Я замер. Она не бросалась, но её масса и упрямый лоб были красноречивее любой угрозы. Я неуверенно махнул рукой: «Кшш! Прочь!»

Овца фыркнула и двинулась прямо на меня. Я отступил. Она продолжила наступление. Вокруг начал складываться живой, блеющий полукруг зрителей.

— Эй, Уильям! — позвал я, сорвавшись на громкий шепот, стараясь не паниковать. — Что происходит? Чего ей от меня надо?!

Со стороны камня донеслось тихое, хриплое кхыканье. Старик даже не пошевелился.

— Стой смирно, милорд. Она тебя изучает.

Я застыл, затаив дыхание. «И когда это он на „ты“ перешёл?» — мелькнуло у меня в голове. Но животное, явно решившее, что мои штаны — новый вид соломы, уже плотно прижалось ко мне боком и начало методично жевать область у коленки.

Через минуту, видимо, разочаровавшись во вкусе сукна, она флегматично отвернулась и важно зашагала прочь. Мой авторитет «важной шишки» растворился в воздухе, оставив на брючине широкий мокрый след овечьей слюны. Но я ее запомнил. Назову «Жвачка», чтобы точно впечаталась в память.

Стыдно пожеванный, я поплёлся к Уильяму, к его камню. И по дороге, глядя себе под ноги, я увидел в траве что-то блестящее. Это была серебряная, идеально круглая пуговица. И на ней — чётко отлитая, стилизованная буква «F». Точно такие же были на всех униформах сотрудников «Фьючеринг». Сердце ударило так, что перехватило дыхание.

«Гид... Значит, он всё-таки был здесь!»

Нужно было во что бы то ни стало его отыскать, потому что у него был способ отправить меня назад. Первым делом я решил попытать счастья и еще раз спросил Уильяма, поднося чуть ли ни к его носу серебряную пуговку.

На что старик божился, что никогда такого не видел. Но потом замолк, опустив глаз в землю. И выдохнул:

— Люди... недобрые люди в том лесу шляются. На прошлой луне Годрикову овцу прирезали, да и след простыл. — Он кивнул на пуговицу в моей руке. — Может, твой человек им на зуб попался. Может, и прикончили. Отбирают всё, что блестит. Нас не трогают, с нас брать нечего.

А с меня было чего. Надо бы поаккуратнее щеголять тут и деньгами не разбрасываться. Но выяснить судьбу гида было нужно. Становилось ясно: если я хочу выжить и докопаться до правды, мне придётся прокачивать себя. Не в виртуальной реальности, а здесь. Качать скиллы, а не уровень. Иначе я заруиную всю свою катку, даже не добравшись до первых боссов — местных головорезов.

Я принял решение. Уильям станет моим проводником в этом мире. Он уже накормил и приютил. Теперь пора было учиться. Надо было действовать, как в тех старых руководствах по переговорам: начать с искреннего (ну, почти) комплимента.

— Живёшь ты, Уильям, ладно! — начал я. Он посмотрел на меня так, словно я только что объявил, что земля плоская. — Серьёзно! Кров над головой есть, а если что — прокормиться сумеешь. Шкуры в доме видел. Волка, говоришь, сам приложил?

Уильям смущённо заёрзал, но в глазах вспыхнула искорка. Лесть, такая грубая и прямая, попадала точно в цель.

— Да и овцы твои — умницы, покорные, — продолжал я, закрепляя успех. — Скажи, а дом-то сам ставил?

— Как же иначе! — выпалил он, и грудь его непроизвольно выпятилась. Гордость ремесленника, которой он, возможно, никогда не давал выхода, прорвалась наружу.

— Вот это мастер! — я одобрительно кивнул, чувствуя, как крючок зацепляется. — Слушай, а как ты всему этому научился? С отцом?

— Где чему отец, где — сам дошёл, — буркнул Уильям, но в его тоне уже слышалась смутная готовность говорить обо всем.

— Вот видишь... — вздохнул я с наигранной грустью. — А меня ничему такому не учили. Только книжки вбивали в голову. — Я сделал паузу, глядя на его заинтересованное лицо. —

Может, покажешь, как это — дело делать? Научишь азам? Хочу я, понимаешь, тоже полезным быть. Как ты.

Уильям помедлил, обдумывая, но в итоге раскрыл беззубую улыбку и одобрительно хмыкнул.

«Попался!» — ликовало что-то внутри меня.

Так я и стал подмастерьем у старого пастуха. И уже этим же вечером, едва вернувшись в хижину, начался первый урок: как высечь жизнь из дерева и трения.

Мы разводили костёр по старинке — с помощью трута и ручного деревянного сверла. Пот с меня лил ручьями, спина горела огнём, а пальцы стирались в кровь. Я тер и тер, сжимая палку в одеревеневших ладонях, пока наконец от стыка не потянулась тонкая струйка дыма. По указке моего деревенского сенсея я, затаив дыхание, принялся аккуратно раздувать тлеющее зёрнышко в грубой выемке из мха и щепок. И вот, к моему немому восторгу, заплясали первые, робкие язычки пламени.

Покончив с костром, Уильям принялся за готовку. Из глубин своего сундука он вытащил тушку кролика и, не тратя лишних движений, принялся за разделку.

Меня скрутило от внезапного спазма в животе. Вид обнажённого мяса, хруста костей под ножом и тёмных пятен на плоском камне, служившим разделочной доской, был не для моего стерильного желудка. Но я сжал зубы и не отвёл глаз, пытаюсь в зыбком свете огня запомнить каждое движение его умелых пальцев.

Грустно, но вкусно, как говорится. После кислого сыра, вкус мяса во рту был по истине королевским. За едой я, не теряя темпа, снова обсыпал Уильяма комплиментами и аккуратно намекнул, что не прочь поучиться стрельбе из лука — чтобы быть полезным и добывать дичь на двоих. Мужик несколько минут хмыкал, взвешивая мысленно все «за» и «против». Видимо, прикинул, что кормить лишний рот в обмен на потенциальную помощь — сделка не самая плохая, и дал своё молчаливое, кивком скреплённое согласие.

День для меня был невероятно насыщенным. После плотного ужина веки налились свинцом и сами собой смыкались. Мой сосед, тем временем, казалось, только раскачался: ещё раз пересчитал овец в загоне, заново наточил нож и при тусклом свете лучины принялся выстреливать новые стрелы.

Я честно хотел бы поучиться и этому. Но, если говорить совсем уж честно, мне хотелось только одного — рухнуть на солому и забыться. Что я, не терзаясь угрызениями совести, благополучно и сделал.

Утром меня разбудил Уильям, ни свет ни заря, и поманил за собой. Он дал мне нож, вяленную ногу какого-то животного (предположительно свиную), и показал на кур. «Да уж, от многословности он точно не помрет» — подумал я. Но задача была понятна. Завтрак на мне.

С ноги толстыми шматами отлетали слайсы мяса, и я боковым зрением видел, что Уильям сейчас все силы бросил на то, чтобы не ударить меня по затылку за то, что перевожу продукты. «Ну это же мой первый раз, — хотелось мне крикнуть. — Мог бы быть и понисходительнее!».

Затем началась тихая охота на куриные яйца. К счастью, долго искать не пришлось — после проверки пары известных Уильяму гнёзд я набрал приличную, тёплую пригоршню для нашего завтрака. Это задание, к моему облегчению, я выполнил без потерь и вреда для хозяйства.

Жир со сковороды так и стрелял в меня очередями, а я стойко, как солдат на передовой, терпел эти выпады кулинарной судьбы. Спустя несколько минут мы с моим учителем уже уплетали дымящуюся яичницу. Моё первое самостоятельно приготовленное блюдо! Пусть и под его неусыпным контролем.

И вот настал момент, которого я ждал с тех пор, как впервые увидел лук в его хижине. Вдали от деревни, на краю поляны (подальше от мирно пасущихся овец — для их же безопасности и моего душевного спокойствия) Уильям принялся учить меня стрельбе из лука.

Легко было только в компьютерных играх и моих влажных фантазиях. В реальности тетива жестоко врезалась в подушечки пальцев при первом же натяжении. Рука, занятая непривычной, скрюченной позой, начала ныть уже через секунду. Я напряг всё тело, зажмурился от усилия и — отпустил.

Стрела описала неуверенную дугу и уныло воткнулась в землю, не пролетев и половины пути до выбранного мною дерева-мишени. И тут же за моей спиной раздался дикий, не сдерживаемый ничем хохот Уильяма. От этого стало в тысячу раз обиднее. Хотелось все бросить и убежать глубоко в лес, где меня никто не увидит.

— Ну, что, милорд, не выходит?

Он явно хотел меня довести, но даже направь я на него лук в упор, не уверен, что попал бы...

С тихим кряхтением он, переваливаясь с ноги на ногу, взял у меня из рук оружие. И в этот миг произошло превращение. Из сгорбленного старика, гнущегося под тяжестью лет, он мгновенно выпрямился в струну. Легким, почти небрежным движением отвёл тетиву к уху — и выстрелил. Стрела со свистом вонзилась в ствол дерева с таким глухим ударом, что от него отлетели щепки. Теперь в нём, прямо в самом центре нарисованной мною мишени, гордо красовалось белое оперение его стрелы.

«Молодец, конечно, — горько подумал я. — Просто молодец. Но на твоём месте должен был быть я...»

— Смотри, в чем суть, милорд. Ты и наконечник стрелы, и локоть свой на одном уровне держи. И глаза не закрывай, как ты попадешь-то, не глядя?

Это да, старик дело говорил. Собравшись с силами, я снова принял позу, стараясь в точности скопировать его осанку. Тетива по-прежнему резала пальцы и казалась невероятно тугой. Но на этот раз я заставил себя не моргать, уставившись на цель, пока глаза не начали слезиться от напряжения. И на выдохе — отпустил.

Стрела, причудливо виляя, словно пьяная, всё же долетела до дерева, глухо стукнулась об кору и, не сумев как следует вонзиться, беспомощно отвалилась на землю.

Уильям снова зашёлся хохотом. Но я, вопреки всему, чувствовал прилив гордости.

«Она долетела. Хоть и так. Но долетела.»

Пока старик присматривал за овцами, я занимался своей каторгой — стрельбой. Примерно за два часа я выдохся так, что уже не чувствовал ни рук, ни спины, но прогресс был налицо. С каждым разом получалось чуть лучше, пока, к моему собственному изумлению, наконец каждая выпущенная стрела не стала долетать до дерева. В центр не попала ни одна, если уж начистоту. Но все они застревали в коре и больше не падали.

Я блестел — и от пота, стекавшего ручьями, и от немногого, глупого счастья. Не успел оглянуться, как день пролетел, и Уильям уже звал возвращаться домой. Готовку на этот раз он, к моему безмерному облегчению, взял на себя — видя, что я сейчас не то, что нож, а даже ложку в пальцах не удержу.

Кое-как, трясущимися руками поднося еду ко рту, я покончил с ужином и побрел к себе на соломку, где словно подстреленный рухнул замиртво.

С моего набега на хижину Уильяма незаметно прошел месяц, а за ним другой, третий... Никто меня даже не собирался искать, по всей видимости. И я укоренился в мысли, что нужно как-то выживать здесь самому.

И тут, к моему невероятному везению, мой седовласый мастер оказался не просто пастухом. Он был ходячей энциклопедией выживания. Не знаю, какую жизнь он вёл (сколько я его не пытал, он все время отнекивался) и к чему готовился все эти годы, но он явно был готов ко всему. И теперь по крупицам обучал этому меня.

От той натянутой отстранённости, что была между нами вначале, не осталось и следа. Мы сделали ещё одну соломенную постель у противоположной стены и теперь спали под одной

крышей. Частенько коротали вечера у огня, беседуя. Не о личном — оно оставалось за кадром. А так, обо всём на свете: о повадках зверей, о приметах погоды, о странностях и глупостях людских.

Уильям оказался человеком со скудным словарным запасом, но с богатой житейской мудростью. Иногда казалось, что его понимание сути вещей было большим, чем у философов и ученых.

Он мог по направлению и силе ветра предсказывать дождь, по следам на земле различал зверье и ставил силки именно в том месте, где они потом и попадались.

«Коли гриб ни зверь ни червяк не трогает, то и ты оставь» — это я запомнил раз и на всегда, когда после похода в лес принес целую охапку поганок. А еще радовался, что столько набрал...

Я, всю жизнь бывший тощим доходягой с телосложением офисного планктона, неожиданно для себя начал обрастать плотной, жилистой массой. На постоянной диете из мяса, репы и — чего уж греха таить — сыра, к вкусу которого я не то, что привык, а пристрастился, моё тело росло и крепло. Да и «тренировки» Уильяма помогали. Мы с ним заготавливали дерево, махая топорами с утра до ночи, разделявали туши, сшивали шкуры, плюс тренировки по стрельбе (их я не пропускал ни разу, стараясь каждый день делать хотя бы пару выстрелов в мишень).

Теперь я уже сам ходил на охоту, и хоть соотношение успехов и провалов оставалось где-то один к пяти, этого хватало. Раз в неделю, а то и чаще, я возвращался к Уильяму с добычей. Дыхалки хватало, чтобы без одышки пробежать несколько километров по пересечённой местности, а туша молодого оленя, взваленная на плечи, уже не казалась неподъёмной ношей, а лишь достойной наградой за труд.

Понемногу, я начинал привыкать к этой беззаботной жизни. Хотя сказал бы мне кто-то пару месяцев назад, что весь день проведенный на ногах — это беззаботно — ни в жизнь бы не поверил.

За время, проведенное здесь, особенно подтянулся мой уровень английского. Вернее, уровень средневекового матерного — думаю, по шкале, это где-то уверенный C1.

Косые взгляды местных перестали быть просто взглядами — в них появилось подозрение. Видимо, понимая, что одной силой серебра дело не решить, Уильям решил узаконить моё присутствие.

Он вывел меня в свет — то есть, на сельскую сходку у колодца — и, откашлявшись, представил:

— Сие есть Роберт, мой... дальний племянник. С севера прибыл. Будет жить, помогать старику.

Мою «баронскую» родословную с гербом мы благоразумно решили припрятать. В глазах деревни «дальний племянник пастуха» вызывал меньше вопросов, чем «загадочный барин, зачем-то живущий в деревне на отшибе». Иногда лучшая легенда — самая простая.

Я старался не просто жить в деревне, а стать её частью. Потихоньку входил в обиход, оказывая мелкие услуги: кому забор поправить, кому тяжёлое принести. Где-то вступал в немудрёный бартер. И наша с Уильямом жизнь начала понемногу налаживаться.

Во-первых, в нашем доме появилась соль — настоящая роскошь. Я выменивал её у странствующих торговцев на шкуры и мясо, которые сам же и добывал. Во-вторых, пока Уильям был с овцами, я взялся за наше жилище. Я не инженер, но простые улучшения мне оказались по силам: я обшил стены изнутри грубыми досками (сам напилел, хе-хе), а щели проконопатил мхом — для тепла. И теперь даже при сильном ветре нас не продувало.

Недели сливались в месяцы, а я и не заметил, как стал своим. Нас с Уильямом даже начали по-соседски звать на посиделки, где мы уминали домашнюю стряпню и тянули крепкую

медовуху, после чего нередко возвращались домой, едва держась на ногах. Я влился в этот ритм, в эту простую жизнь.

И где-то в суете этих дней, в запахе дыма и земли, я забыл. Забыл о своей цели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.